

## Деформация

Гао Сюньчжи и впрямь не до конца понимал мотивы юноши.

— Я осознаю, что перенос столицы — дело решенное и необходимое, — осторожно начал он, подбирая слова. — Но к чему такая спешка, А Жун?

На взгляд канцлера, выступать в путь прямо сейчас было бы верхом опрометчивости. Куда разумнее дождаться осени, разбить сяньби, перезимовать, встретить новый год, а уж весной, когда всё будет готово, обстоятельно обсудить новое место для престола.

«Не спешить? — Сяо Жун мысленно вздохнул. — Если бы всё было так просто...»

Когда он только очутился в этом мире, то самонадеянно полагал, что у него в запасе есть пара беззаботных лет. Но череда болезней быстро сбила с него спесь.

Крах Цюй Юньме не случится в один миг. Пока Великий ван эти два года упивался своим величием и непобедимостью, враги не сидели сложа руки — они планировали, плели интриги и готовились. Лишь Цюй Юньме и его прямодушные воины Армии Чжэньбэй свято верили: стоит покончить с сяньби, и в Поднебесной воцарится вечный мир.

Взять хотя бы то пророчество о Знамени Чию. До сих пор никто не знал, кто именно пустил эту песенку в народ.

Да, кукловоды теперь вроде бы вышли из тени — это люди из Учения Чистого Ветра. Они мастера сеять смуту, используя суеверия и страхи. Но не стоит забывать об одном важном правиле этого культа: Учение Чистого Ветра никогда не стремится к власти само. Они всегда выбирают «доверенное лицо» и возводят его на трон, оставаясь серыми кардиналами.

Истоки этого учения терялись во тьме веков, но примерно двести лет назад, в эпоху великой смуты, оно отделилось от даосизма и начало обретать силу.

Как известно, даосизм — религия особенная. Его адепты не ищут счастья в загробном мире, их заботит благополучие здесь и сейчас, а пределом мечтаний является вечная жизнь — бессмертие.

Учение Чистого Ветра, порожденное даосскими догматами, поначалу ставило перед собой куда более приземленные цели. Им не нужно было бессмертие — они лишь хотели прожить чуть дольше обычного.

В эпоху, когда средняя продолжительность жизни едва достигала тридцати лет, это было несбыточной мечтой. От войн и каторжного труда бедноте было не скрыться, но в случае болезни они надеялись на чудо. Поначалу адепты культа выдавали себя за странствующих лекарей, владеющих тайными знаниями. Никто не знал, как именно они лечат, но через несколько лет их цели внезапно изменились: они провозгласили своей миссией «очищение духа».

Под «духом» они подразумевали некую психическую энергию, которой наделен каждый человек. Они называли её «ци». В благородных людях течет «чистая ци», в злодеях — «мутная». Когда муты становится слишком много, в мире наступает хаос. Те, кто несет в себе избыток мутной ци, объявлялись «звездами бедствий». Считалось, что они отравляют окружающих, вызывая болезни и смерть.

Выход предлагался простой и жестокий: убить носителей мутной ци.

Эта примитивная концепция идеально легла на чаяния угнетенного народа — те тайно желали смерти всем, кто их презирал и эксплуатировал.

Поэтому фанатики Учения Чистого Ветра отличались невероятной жестокостью. Стоило главе культа указать пальцем, и они, видя в жертве демона, шли до конца, не зная пощады.

В эпоху раздробленности, когда каждый мечтал урвать кусок власти, глава культа не устоял перед искушением и поднял мятеж, бросив своих последователей на захват земель. Но для настоящего переворота нужно нечто большее, чем толпа фанатиков. Перед лицом профессиональных военачальников и коварных князей этот глава не стоил и выеденного яйца.

Его убили.

Следующий глава учел ошибки предшественника, снова восстал — и тоже закончил жизнь на плахе.

Лишь потеряв четырех наставников, культ осознал истину: их рассказы действуют только на неграмотную чернь. В высших кругах, где правит изощренная политика, им не выжить. А значит, нужны союзники.

С тех пор Учение разделилось на три течения.

Первые остались верны корням — это «лжелекари», которые потчуют людей заговоренной водой, что зачастую лишь ускоряет конец больного.

Вторые превратились в «Братство ассасинов». Они по-прежнему верят, что носителей мутной ци нужно истреблять, но делают это тайно, путем кинжала и яда. За эти годы они достигли такого мастерства, что на их счету числится немало громких имен.

Третье же течение — самое многочисленное и опасное. Они — «союзники». Эти люди действуют в тени, предоставляя своих фанатиков в качестве пушечного мяса и снабжая покровителей коварными планами. Взамен они получают золото, высокие чины и защиту.

Сегодня, когда говорят об Учении Чистого Ветра, имеют в виду именно их. Первые два течения не насчитывают и тысячи человек, тогда как за третьим стоят легионы по всей стране.

Сяо Жун так настойчиво звал Сына Будды еще и потому, что надеялся противопоставить авторитет великого святого влиянию культа. Если селяне уверуют в истинное слово Будды, ряды фанатиков поредеют. Сяо Жун меньше всего хотел, чтобы земли, где он живет, кишели безумцами, мечтающими лечить болезни убийствами.

Но с кем именно они в сговоре? В хрониках Знамя Чию неразрывно связано с именем Хуан Яньцзюня. Тот был врагом Цюй Юньме и, конечно, использовал любой повод, чтобы очернить его. Однако одного этого факта мало, чтобы утверждать о его связи с культом. Тягостно...

Юноша невольно вздохнул. Как говорится, «высокое дерево первым принимает на себя удар ветра». Цюй Юньме ведет себя слишком вызывающе: дерзит двору, казнит чиновников, самовольно правит землями и плюет на обязанности принца. Южная Юн всё еще считается законной властью, за ней — сердца народа и малолетний император. Тронуть её сейчас нельзя. А значит, все взоры обращены на Великого вана.

Сяо Жун не сомневался: тайных врагов у Цюй Юньме столько, что ими можно было бы заполнить целый маджонг-клуб.

Гао Сюньчжи, глядя на его помрачневшее лицо, на мгновение замер. А затем тоже вздохнул:

— Я понял.

Сяо Жун вскинул голову:

— Что?

Он был в полнейшем недоумении. «Что ты мог понять? Я же просто задумался и слова еще не успел вымолвить».

Но канцлер уже поднялся. Он тепло, почти по-отечески улыбнулся юноше:

— Твоё сердце говорит за тебя, даже когда ты молчишь. Старик во всём разберется. Отдыхай, А Жун, а я пойду.

— Пойдите, я не... — Сяо Жун протянул руку вслед уходящему канцлеру, но тот шел

удивительно быстро для своего возраста. Не зря он столько лет сопровождал армию.

«Странный старик. Впрочем, какая разница? Главное, он на моей стороне». Сяо Жун почувствовал, как усталость накатывает новой волной. Помассировав затекшую шею, он завалился в постель.

\*\*\*

Юноша проспал всего два часа и проснулся от нестерпимого голода.

А Шу, заметив, что господин открыл глаза, тут же поднес еду.

— Не надо сюда, я сяду за стол, — отмахнулся Сяо Жун.

Оказавшись перед тарелками, он принялся есть с такой жадностью, будто не видел пищи вечность. Лепешку, что дал ему Чжуан Вэйчжи, он не тронул, а сухари Цзянь Цяо на обратном пути были такими жесткими, что только горло царапать. Теперь же, глядя на нормальную еду, Сяо Жун едва не прослезился от счастья.

А Шу, который был младше господина на пять лет, смотрел на него с какой-то не по годам мудрой и доброй улыбкой.

— Я так и знал, что господин ничего в лесу не ел. Не зря люди болтают, будто вы изнежены до крайности.

Сяо Жун замер, отложив палочки.

— Кто? — неприязненно спросил он. — Кто смеет называть меня неженкой? Небось Цюй Юньме язык распускает?

А Шу опешил:

— Да нет же... Это еще прежние знакомые шептались. С чего вы взяли, что это Великий ван?

Юноша замялся. Он и сам не знал, почему эта мысль пришла первой. Рефлекс, не иначе. Впрочем... это не его вина. Цюй Юньме сам виноват, что так предвзято к нему относится. Пред-взя-то.

Смакуя это слово, Сяо Жун со злостью ткнул палочкой в овощи на тарелке. Ту фразу Цзянь Цяо он запомнит на всю жизнь.

А Шу осторожно взглянул на него:

— Господин, вы сердитесь?

Сяо Жун выдернул палочку и как ни в чем не бывало ответил:

— Вовсе нет. С чего бы мне злиться? Это всего лишь пустые люди. Поверь, твой господин не из тех, кто копит обиды.

«Ну да, конечно», — подумал А Шу, которому стало даже немного неловко за это вранье. Немного помолчав, мальчик добавил:

— Знаете, господин... Мне кажется, Великий ван — человек хороший.

Сяо Жун посмотрел на слугу с нескрываемым изумлением:

— С чего такие выводы?

А Шу ответил с обезоруживающей простотой:

— Так он же вас спас! Вчера, если бы он не зашел проведать вас, никто бы и не заметил пропажи до самого утра. И ведь он ни секунды не медлил, сразу велел седлать коней. Видно же, что он вами дорожит.

Сяо Жун замер. Цюй Юньме об этом не обмолвился ни словом.

В глазах А Шу Великий ван теперь был величайшим благодетелем их рода. А вспомнив, как господин отзывается о нем за глаза... мальчик решил набраться смелости и замолвить за государя словечко. Счел это своим долгом.

— Пока вы спали, Великий ван снова заходил, — продолжал А Шу. — Он оставил стражу у дверей, велел им охранять вас. Теперь у вас свита такая же, как у канцлера Гао.

Сяо Жун молчал, лишь брови его слегка сошлись у переносицы. А Шу решил нанести последний удар:

— Господин, разве не говорят: за милость, спасшую жизнь, должно отплатить сторицей?

— Говорят: за милость в каплю воды платят бьющим ключом источником, — бесстрастно поправил его юноша.

— Вот именно! Если за каплю воды платят источником, то за спасение жизни и вовсе расплатиться невозможно.

— И что мне теперь делать? Я и так служу ему не щадя сил, день и ночь только о его делах и думаю. Если я еще больше стану стараться, мне останется только замуж за него выйти.

От таких слов А Шу густо покраснел:

— Господин! Снова вы за свое...

Сяо Жун отвернулся, делая вид, что разговор окончен. А Шу в замешательстве почесал затылок — он не знал, как еще выразить свою мысль.

— Я же вижу, как вы радеете за Армию Чжэньбэй. Вы сами говорили, что будете верны только Великому вану и никуда от него не уйдете. Хоть Линьчуань, хоть Синьань — где вы, там и я. Я думал... раз мы решили здесь осесть, значит, это теперь ваш дом. Но...

Мальчик заглянул в глаза Сяо Жуну — те были полны чистого, искреннего недоумения.

— Господин, почему вы не хотите признать это место своим домом?

Сяо Жун впервые в жизни не нашел, что ответить.

\*\*\*

В то же самое время при свете свечей Гао Сюньчжи и Цюй Юньме молча пили в покоях дворца.

Армия Чжэньбэй была структурой простой, далекой от изысков политических центров. Никто не горел желанием везти им певиц и танцовщиц, а если бы и привезли — во дворец им места бы не нашлось. Цюй Юньме презирал праздную музыку; она напоминала ему о тех унижительных днях юности, когда он был вынужден посещать пиры в императорском дворце.

Эта сцена, со стороны кажущаяся унылой, для канцлера и Великого вана была исполнена особого уюта. Жизнь бросала их на самое дно, они знали вкус придорожной пыли, и теперь любое вино казалось им приправленным сладостью пережитых испытаний.

Цюй Юньме пил уверенно, но настоящим мастером этого дела был Гао Сюньчжи. Проведя столько лет среди воинов, он, будучи книжником, научился пить так, что мог перепить любого.

Сделав глоток, канцлер поставил чарку и с лукавой искоркой взглянул на государя:

— Слышал, ты приставил к Сяо Жуну стражу?

Цюй Юньме неспешно осушил свой кубок и лишь затем бросил:

— Угу.

Гао Сюньчжи проглотил обиду и спросил снова:

— С чего вдруг такая щедрость?

Великий ван соизволил поднять на него непонимающий взгляд:

— А?

Гао Сюньчжи мысленно воззвал к небесам. «Только ради памяти твоего отца терплю это...»

— Сяо Жун — именно тот тип людей, которых ты всегда терпеть не мог, — мягко произнес он.  
— Когда генерал Цзянь описывал мне его нрав, я был уверен, что ты выставишь его за дверь в первый же день. Но ты не только оставил его, но и прислушиваешься к его советам. А уж поднять три тысячи тяжелых всадников и мчаться всю ночь ради его спасения... Поистине, внешность обманчива.

— Я преследовал Ли Сюхэна, — сухо возразил Цюй Юньме.

— Для этого не нужно три тысячи тяжелых всадников, — парировал канцлер.

Конница бывает разной, но тяжелая кавалерия — самая дорогая и мощная элита. Снаряжение одного такого всадника могло прокормить двадцать человек. Во всей Армии Чжэньбэй таких было всего семь тысяч.

Вывести почти половину элиты ради поимки Ли Сюхэна? Кто в это поверит? Пару лет назад, когда Ли Сюхэн объявился, Цюй Юньме погнался за ним в одиночку. Он три дня и три ночи рыскал по степи и, не найдя врага, в ярости ворвался в крепость хунну, где один перебил всех защитников.

Цюй Юньме промолчал. Он и сам пытался понять, что им двигало. Его талант полководца всегда опирался на интуицию. Он принимал решения мгновенно и никогда в них не сомневался.

В этот раз чутье подсказало ему: нужны тяжелые всадники. Сяо Жун — не он. Это он, Цюй Юньме, привык к боли и ранам, его тело вынесет любые испытания. А юноша хрупок, слаб

здоровьем, да еще и болен...

«Вот оно что. Это и есть причина».

Великий ван едва заметно поджал губы, решив не озвучивать свои мысли. Это казалось ему неподобающим для сурового воина.

Гао Сюньчжи, не дождавшись ответа, продолжал:

— Сяо Жун по всем статьям должен быть тебе неприятен...

— Кто это сказал? — внезапно перебил его Цюй Юньме.

Канцлер опешил:

— Но ведь ты не любишь изнеженных людей.

— Сяо Жун не изнежен, — невозмутимо отозвался государь. — У него просто слабое здоровье.

— Но ты не любишь и тех, кто слаб телом!

— Глупости. Я никогда такого не говорил. Мне противны те, кто при добром здравии строит из себя немощных, подражая столичным щеголям.

Гао Сюньчжи окончательно лишился дара речи. «Ладно, ладно, не признавайся...»

Закусив удила, он решил бить по другим точкам:

— Сяо Жун своенравен. Он не раз спорил с тобой.

Цюй Юньме опустил взгляд:

— Но его намерения благие. К тому же он извинился.

Гао Сюньчжи едва не поперхнулся. «Извинился — и ты всё забыл? Ты? С каких это пор ты стал таким милосердным?»

— А его тяга к богатству? Он предложил торговать углем. Ты же всегда презирал корыстную натуру торговцев.

Цюй Юньме помолчал, а затем выдал:

— Но ведь он ищет выгоду для меня.

Старик почувствовал, что почва уходит у него из-под ног.

— А его странные способности? — воскликнул он, повысив голос. — Тебя совсем не пугает, что он владеет неведомым?!

Великий ван хотел было сказать, что юноша не колдун, но вспомнил его наказ. Помедлив, он кивнул:

— Если у человека есть истинный талант, остальное неважно.

Гао Сюньчжи сдался. Оставался еще один козырь — красота юноши, но канцлер решил промолчать. Глупо спрашивать об этом упрямого осла, который ни за что не признает, что его гнев сменился милостью.

Старику захотелось сплюнуть кровью от досады. Подавив это чувство, он всё же сохранил ясность ума и потер лоб:

— Хорошо. Допустим, нрав Сяо Жуна тебя не смущает. Но он — ученый муж. Тот факт, что он единственный из своего сословия не только остался подле тебя, но и поладил с тобой... Ты не задумывался, почему так?

Интуиция Цюй Юньме подала сигнал: в вопросе крылся подвох. Он пристально посмотрел на канцлера, стараясь сохранять спокойствие, хотя внутри уже зародилось смутное беспокойство. Подумав, он дал осторожный ответ:

— Потому что он умен.

Канцлер усмехнулся:

— Умных людей пруд пруди. Но тех, кто сходится с тобой характером — единицы. Застава Яньмэнь слишком далека от центра Поднебесной. Мало кто готов так преданно следовать за тобой, как Сяо Жун. По сути, он у тебя один такой.

Цюй Юньме понял намек, но остался при своем:

— Мне не нужны те, чье сердце колеблется.

— А если и Сяо Жун однажды уйдет? — спросил Гао Сюньчжи.

Взгляд Великого вана на мгновение застыл. Но через секунду он снова бесстрастно опустил голову:

— Уйдет так уйдет. Говорить будет не о чем.

Гао Сюньчжи покачал головой:

— Всё не так просто, государь. Раньше ты был генералом, истребителем варваров. Твоим делом была лишь война. Но теперь ты — Великий ван. Ты изгнал кочевников, вернул свет в эти земли, и тысячи людей видят в тебе надежду. Сяо Жун — один из них, как и я. Ради тебя он готов был скакать три тысячи ли, едва дыша от болезни. Он хочет видеть в тебе мудрого правителя. Но если однажды он поймет, что ты не тот, за кого он тебя принимал... Останется ли он так же предан тебе?

Цюй Юньме вспомнил слова Сяо Жун, сказанные той ночью на стене заставы. Но вслух он ответил канцлеру лишь фразой, которой его научил сам юноша:

— Чужая душа — потемки.

Гао Сюньчжи вздохнул:

— Верно. Таких, как Сяо Жун, впереди будет еще много. Быть может, они не так придутся тебе по сердцу, но их мечты будут схожи. Сейчас твоя слава гремит. Но раз уж ты надел венец Великого вана, пути назад нет. Нам нужно больше таких людей, как Сяо Жун, и мы должны считаться с их волей.

Ветеранов Армии Чжэньбэй становилось всё меньше. Гао Сюньчжи с грустью осознал, что вокруг почти не осталось знакомых лиц. Армия изменилась, но Цюй Юньме словно упрямо пытался сохранить тот простой уклад, что был при его отце.

Старик заговорил о своем, наболевшем. Он и сам не понимал, почему Великий ван так держится за Яньмэнь. Никто из них не был родом отсюда.

И тут Цюй Юньме поднял голову и, совсем как в детстве, тихо спросил:

— Если не здесь, то куда же нам идти?

Канцлер замер, сделал глоток вина, а затем снова тепло улыбнулся:

— Пусть об этом спорят ученые мужи. Неважно куда — главное, чтобы люди были живы.

Цюй Юньме задумался.

— Обсудим это позже, — наконец произнес он.

\*\*\*

Ли Сюэхэна после возвращения ждали суровые побои. Его дезертирство десять лет назад выжгло в сердцах выживших лютую ненависть.

Генерал Цзянь Цяо ненавидел его больше всех — оба его родителя погибли в той войне. Он готов был лично растерзать предателя. Но сдерживался. Казнить этого пса должен был сам государь — их личные счеты были куда глубже.

Сяо Жун, выпавшись, тоже заглянул в темницу. Он надеялся выведать, с кем именно сговорилось Учение Чистого Ветра. Но увы — Ли Сюэхэн оказался мелкой сошкой. Он видел главу культа лишь мельком. По его словам, Учение обещало ему двадцать тысяч воинов и провиант.

Двадцать тысяч... Силы целого князя. Сяо Жун сразу понял, что культ просто водил его за нос, но Ли Сюэхэн свято в это верил.

«Не зря двор обвел его вокруг пальца еще тогда», — подумал юноша.

Поняв, что толку от пленника не будет, Сяо Жун вышел. Стоило ему скрыться, как воины снова принялись за дело.

На выходе юноша столкнулся с Цюй Юньме.

— Великий ван пришел к Ли Сюэхэну? — спросил Сяо Жун.

Государь мельком глянул на дверь темницы, откуда доносились крики, и, проигнорировав вопрос, внезапно спросил:

— Слышал, у тебя есть брат?

Сяо Жун опешил. «Какая резкая смена темы».

Помедлив, он кивнул:

— Младший брат. И престарелая бабушка.

— Почему не перевезешь их сюда?

Юноша окончательно растерялся. Неужто государь решил проявить заботу прямо у порога пыточной?

— Брат еще мал, а бабушка слишком слаба, — осторожно ответил он. — Путь до округа Яньмэнь долг и опасен, я не могу так рисковать...

Он не успел договорить — Цюй Юньме резко развернулся и ушел.

Сяо Жун молча смотрел ему в спину.

«Это называется "забота"? Это "внимание"? Цюй-собака, чтоб ты сдох!»

Мысленно Сяо Жун уже буквально искажился от ярости.

<http://bllate.org/book/15355/1417621>